

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1987

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1987

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	3 сл.	А. В. Ревякин	Г. С. Кучеренко
76	8 сл.	féforme	réforme
81	11 сл.	Thédrie	Théorie
173	6 сл.	el	et
173	12 сл.	sclate	scelte

Заказ № 3083

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011-2013

СТАТЬИ

А. Э. Штекли	Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850)	3
А. В. Ревякин	Этьен Кабе о французских буржуазных революциях	25
К. М. Андерсон	Мексиканский проект Роберта Оуэна	47
Г. В. Аксенова	Барбье и Керар об авторе «Кодекса природы»	69
С. Я. Карп	Бриссо об «Утопии» Томаса Мора (80-е годы XVIII в.)	76
Э. И. Валлич	Проект аграрной реформы Огилви	86
Е. К. Кузьмичева	Идея справедливости в трудах Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро	100
В. Ф. Мордвицев	«Синания» — испанская утопия неизвестного автора	112
Т. А. Цавлова	О зарождении коммунистических воззрений Уинстэнли	129
В. Д. Балакин	Община в утопии Андреэ	154
Л. С. Чиколени	«Политические афоризмы» Кампанеллы	172
О. Ф. Кудрявцев	Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора	197
Ю. К. Некрасов	Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества	215

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Н. Осиповский	Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор». Л., 1982)	235
------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Володарский	Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» (Вступ. ст., пер. с нем. и коммент.)	252
-------------------	---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ревякин	А. Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М.: Наука, 1983. 272 С.	274
О. Ф. Кудрявцев	G. M. Logan. The meaning of More's «Utopia». Princeton: University Press. 1983. 296 p. Дж. М. Логэн. Значение «Утопии» Мора. Принстон. 1983. 296 С.	279

О зарождении коммунистических
воззрений Уинстэнли

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

В дни наивысшего подъема Английской революции — в критические дни конца января 1649 г., когда в Вестминстер-холле в присутствии огромной массы народа шел суд над Карлом I, — из печати Джайлса Калверта вышел трактат Уинстэнли «Новый закон справедливости». Он знаменовал собой поворотный момент в мировоззрении самого автора: четыре первых произведения Уинстэнли, так называемые «религиозные» трактаты 1648 г., были посвящены теологическим и этическим темам. Они носили милленарийский характер. Об этом свидетельствуют сами их названия: «Тайна бога», «Наступление дня божьего», «Раи для святых», «Истина, поднимающая голову над скандалами». Начиная с этого нового сочинения и до конца своей творческой деятельности, до утопического проекта «Закон свободы», Уинстэнли обращается к проблемам социального и политического переустройства мира сего (исключение составляет лишь неоконченный трактат «Неопалимая купина», весна 1650 г.). Именно с «Нового закона справедливости» Уинстэнли сам осознает себя активным борцом за социальное переустройство мира.

Внезапный на первый взгляд переворот этот в миропонимании будущего вождя «копателей» вызывает у исследователей недоумение. Как «милленарий» Уинстэнли обратился в «социалиста»? — спрашивает американский историк Дж. Джуретик в статье, специально посвященной исследованию этого вопроса¹. Он указывает, что все авторы, изучавшие творчество мыслителя, подчеркивают важность религиозных воззрений для складывания его утопически-коммунистической концепции. Более того, многие (например, Дж. Сэбин, Д. Петегорский, У. Хэдсон, П. Загорин и др.) рассматривают учение Уинстэнли как нечто монолитное и единое и считают диггерский опыт «логическим продуктом его раннего мистицизма»². Такая «религиоцентрическая» концепция, пишет Джуретик, искажает учение Уинстэнли и затушевывает уникальность его социальной позиции. Она делает взгляды мыслителя и его деятельность «продуктом ментальных упражнений», а не результатом реальной общественной практики. Подобный методологический подход «игнорирует или принижает самое

¹ Juretic G. Digger no millenarian: the revolutionizing of Gerrard Winstanley // Journal of the history of ideas. 1975. Vol. 36, N 2. P. 263.

² Ibid. P. 266—268.

важное событие в жизни Уинстэнли — создание коммунистической колонии бедняков³.

Добавим от себя, что такого рода «религиоцентрический» взгляд на творчество Уинстэнли не только весьма распространен в исторической литературе последнего десятилетия⁴, но и приводит к важным выводам в оценке всего творчества Уинстэнли. Если он — по преимуществу религиозный мыслитель, в конце жизни, как это теперь уже доказано работой Олсона, примкнувший к квакерам⁵, если вскапывание диггерами общинной пустоши — лишь символический акт служения богу на земле — той «общей сокровищнице», какой она была до грехопадения человека⁶, то коммунистическая колония и утопия «Закон свободы» действительно лишь малозначащие эпизоды, частные факты биографии религиозного мистика и пантеиста. Это именно и стремятся доказать своими работами Дж. Олсон, Р. Т. Вэнн и некоторые другие авторы⁷. Более того, иные современные историки считают на этом основании, что сам «коммунизм» Уинстэнли носил ограниченный, половинчатый характер; он не затрагивал основ существующего строя, «не планировал вторжения в права частной собственности», а проводил линию «политического компромисса» с властями⁸.

Опровергая подобные воззрения, Джуретик стремится показать, что основную роль в превращении Уинстэнли «из милленария в социалиста» сыграл сам опыт диггерской колонии. Как только Уинстэнли начал вскапывать с бедняками общинную пустошь и столкнулся лицом к лицу с социальной действительностью Англии, идеи его быстро «претерпели секуляризацию», а творчество сосредоточилось на реальной социальной структуре английского общества. Уже в первом памфлете, написанном после начала работы копателей, — «Знамя, поднятое истинными левеллерами» — милленарийская идея выражена весьма слабо; в дальнейшем она исчезает вовсе. Сравнивая два ключевых трактата Уинстэнли — «Новый закон справедливости» и «Знамя, по-

нятое истинными левеллерами», Джуретик приходит к выводу, что существуют как бы «два Уинстэнли». Первые его сочинения, включая и «Новый закон справедливости», мистически окрашенные, основанные на библейском буквализме, «не содержат социальной критики». Они продукт средневековой хилиастической традиции. В результате своего практического опыта Уинстэнли пишет трактаты светские, освобожденные от мистицизма, что знаменует собой второй важнейший этап его деятельности; кульминацией их является «Закон свободы». Здесь он выступает как «блестяще осознающий себя пленник капитализма». Между этими «двумя Уинстэнли» лежит практика диггерской колонии⁹.

Нельзя не признать, что взгляд этот содержит определенное рациональное зерно. В самом деле, что, как не опыт практической деятельности, оказывает влияние на развитие того или иного учения? Что, как не опыт, обращает от туманных эсхатологических мечтаний к борьбе за решение насущных задач, которые ставит социальная действительность? Исследователь с полным основанием полагает, что ключом к пониманию изменений в концепциях Уинстэнли должен послужить анализ практики диггерского движения. В ней, этой практике, мыслитель увидел «свет» иного, немистического характера; он понял общественную и политическую значимость развернувшихся вокруг него событий. Если предметом нападок для него до сего времени служили церковь и духовенство, то отныне главным объектом критики становится социальная несправедливость¹⁰.

Однако объяснять «переворот» в содержании взглядов Уинстэнли только этим обстоятельством недостаточно. Прежде всего, так ли уж глубокий разрыв между Уинстэнли-мистиком и Уинстэнли-социальным мыслителем? В преувеличении этого разрыва упрекает Джуретика такой известный специалист по истории радикальных движений в революции, как Кр. Хилл¹¹. И затем: не следует ли более тесно связать анализ его учения с анализом всей той обстановки — социальной, политической, идейной, в которой оно рождалось? Небесполезно вспомнить, что в эпоху Английской революции всякий протест против существующего режима облекался в религиозную форму¹². И вряд ли в бурные революционные времена вообще возможна была «чистая» теология, не связанная с насущными проблемами дня. Существенными в этой связи представляются вопросы о том, как, когда и под влиянием каких обстоятельств зародились коммунистические идеалы Уинстэнли? И так ли уж велик разрыв между «двумя Уинстэнли», о котором говорит Джуретик?

⁹ *Juretic J.* Op. cit. P. 269—270.

¹⁰ *Ibid.* P. 275.

¹¹ *Hill Chr.* The religion of Gerrard Winstanley. P. 1.

¹² «Кромвель и английский народ, — писал К. Маркс, — воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета». — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 120.

³ *Ibid.* P. 268.

⁴ *Павлова Т. А.* Джерард Уинстэнли в современной западной историографии: (Обзор) // История социалистических идей и левых марксистский социализм. М., 1985. С. 50—65.

⁵ *Alsop J.* Gerrard Winstanley's later life // *Past and Present.* 1979. N 8. P. 73—81.

⁶ *Hill Chr.* The religion of Gerrard Winstanley. Oxford. 1978 (Past and Present Suppl 5). P. 1—2.

⁷ *Alsop J.* Op. cit. P. 81; *Vann R. T.* The later life of Gerrard Winstanley. Journal of the history of ideas. Lancaster. 1965. Vol. 26, N 1. P. 133—136; *Mulligan L., Graham J. K., Richards J.* Winstanley: A case for the man as he said he was // *Journal of Ecclesiastical history*, Cambridge. 1977. Vol. 28. N 1. P. 57—75; *Eadem.* The Religion of Gerrard Winstanley // *Past and Present.* 1980. N 89. P. 144—146.

⁸ *Thomas K. V.* The date of Gerrard Winstanley's «Fire in the Bush». Past and Present. 1969. N 42. P. 160—162; *Davis J. S.* Gerrard Winstanley and the restoration of the true magistracy // *Past and Present.* 1976. N 70. P. 75—93; см.: *Сапрыкин Ю. М.* Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972. С. 249—256.

Для решения этого вопроса следует обратиться прежде всего к ранним трактатам мыслителя, связав их содержание с событиями бурного 1648 г., изучить обстановку, в которой писался «Новый закон справедливости», проанализировать сам трактат, ключевой во многих отношениях, который Джуретик считал «кульминацией миллениарийских воззрений Уинстэнли»¹³, а М. А. Барг называет «первым выражением его коммунизма»¹⁴.

Советской исторической наукой было показано, что развитие социальной мысли в Английской революции шло параллельно с развитием революционных событий¹⁵. С осени 1647 г. заметнее усиливаются социальные мотивы в публицистике левеллеров. В ней выделяется радикальное, крестьянско-плебейское направление, представленное именами У. Уолвина, Л. Кларксона, Ф. Фримена и сельскими левеллерами ряда графств; появляются эгалитарные мотивы¹⁶. Из печати выходят памфлеты, содержащие обвинения против богатых и власть имущих, а также угрозы народных мятежей и волнений¹⁷.

Свое первое произведение — «Тайна бога, касающаяся всего творения — человечества» — Уинстэнли писал, по всей видимости, зимой и ранней весной 1648 г. Он жил в местечке Уолтона-Темзе, в графстве Серри, где нанялся после постигшего его разорения пасти скот своих соседей, и тем кормился. Приближалась новая гражданская война. До Серри, близкого к Лондону, доходили слухи о вспышках то здесь, то там беспорядков. На острове Уайт кавалеры несколько раз пытались освободить монарха из-под стражи. Роялистские бунты вспыхивали в Уилтшире, Кенте и других графствах. В самом Серри, на юге, неизвестные лица собирали оружие и скупали на рынках коней. Экономический кризис, вызванный затяжной войной и политическими неурядицами, тяжело отражался на положении простого народа. Дороговизна, высокие налоги, постоя солдат, упадок ремесла и торговли, рост рент — вот обычные жалобы авторов петиций, поток которых в 1648 г. необычайно возрос. Они требовали отмены копигольда, облегчения налогов, прекращения постоя солдат и т. п.

Надвигающийся новый конфликт между силами революции и роялистско-феодальной реакцией настоятельно требовал осмысления. В своем первом трактате Уинстэнли пытается объяснить его. Важно отметить, что с первых же слов он объявляет себя защитником бедняков. «Бог не всегда избирает мудрых, ученых богатых мира сего, чтобы через них явить себя другим, — пишет

он. — Он избирает презираемых, неученых, бедных, ничтожных в мире сем и наполняет их своим добром, а других отпускает с пустыми руками»¹⁸.

Основная идея произведения — та «тайна бога», которую Уинстэнли открывает миру, — сводится к глубоко еретической с точки зрения ортодоксальной протестантской теологии мысли, что бог питает любовь ко всем своим созданиям — богатым и бедным, великим и малым, умным и глупым, праведным и греховным. В то время как государственная пресвитерпанская церковь делила всех людей на ничтожное меньшинство «избранных», «возлюбленных богом», и массу отверженных, «проклятых от века», Уинстэнли проповедует возможность всеобщего спасения, независимо от «мирских свидетельств» избранничества. Сквозь туманную мистическую эсхатологию проглядывает вполне определенная социальная идея: возможность счастливой, основанной на любви и справедливости жизни для бедняков. При этом в отличие от многих сектантов его времени, в том числе появившихся несколько позднее «людей пятой монархии», Уинстэнли выступает с наиболее демократических позиций: он отстаивает не «царство святых» — правление немногих благочестивых, а то убеждение, что в конечном итоге Христос «будет обитать в... каждом мужчине и каждой женщине без исключения»¹⁹.

Наряду с бичеванием человеческих пороков в трактате явно звучит мотив осуждения тиранической власти монарха. Нельзя одновременно поклоняться богу и королю, пишет Уинстэнли, ибо законы их противоположны. Королевский закон ведет к себялюбию; божеский — к общности и сотрудничеству. Власть себялюбия должна быть вырвана с корнем, иначе человечество не сможет более существовать. Близится время, предупреждает он, когда бедняки «будут освобождены»²⁰; уничтожив несправедливый королевский закон, подавив власть греха вокруг себя, народ освободится и построит царство небесное на земле.

20 мая того же года датирован второй трактат Уинстэнли — «Наступление дня божьего». Незадолго до его публикации пресвитериане парламента резко повернули курс своей политики вправо. 28 апреля они постановили, что «основы управления Англией», т. е. монархическая конституция, не должны претерпевать изменений. Переговоры с Карлом вот-вот могли возобновиться. Союз с силами феодальной монархии означал одновременно и наступление на всех недовольных, в первую очередь на инакомыслящих, сторонников религиозной свободы, сектантов. 2 мая был издан «Ординанс о безоговорочном пресечении всяческих ересей и богохульства». Смертной казни подлежали все, кто отрицал учение о Троице, о божественной природе Христа,

¹³ Juretic J. Op. cit. P. 270.

¹⁴ Барг М. А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967. С. 156.

¹⁵ Там же. С. 135 и далее; Сапрыкин Ю. М. Указ. соч. С. 256—320; Левин Г. Р. Демократическое движение в Английской буржуазной революции. Л., 1973. С. 63—147.

¹⁶ Барг М. А. Указ. соч. С. 137.

¹⁷ Сапрыкин Ю. М. Указ. соч. С. 289—290; Левин Г. Р. Указ. соч. С. 106—110.

¹⁸ Winstanley C. The Works/Ed. by G. Sabine. Ithaca: N. Y., 1941. P. 81; Hayes T. W. Winstanley the digger: A literary analysis of radical ideas in the English Revolution. Cambridge, 1979. P. 9.

¹⁹ Цит. по: Hill Chr. The religion of Gerrard Winstanley. P. 11.

²⁰ Ibid. P. 19—20.

о боговдохновенности «Священного писания», о воскресении на Страшном суде. Каждому вменялось в обязанность посещение воскресных богослужений. К числу опасных ересей, за которые полагалось пожизненное тюремное заключение, относились учение о всеобщем спасении, отрицание таинств крещения и причащения, отказ от применения оружия в защиту государства и др.²¹.

Ободренные роялисты подняли головы повсюду. В апреле они объединились в южном Уэльсе и захватили весь Пемброкшир. В конце апреля шотландцы подвели войска к северной границе Англии и направили ультиматум английскому парламенту: он должен ввести обязательное пресвитерианское церковно-устройство по всей стране, запретить все прочие религиозные течения и секты, распустить армию «сектантов» и возобновить переговоры с королем. В мае демонстрации в пользу восстановления монарха на троне проходили в Эссексе, в Серри; вооруженное восстание роялистов вспыхнуло в Кенте; на севере ими были захвачены крепости Бервик и Карлайл. Силы Респубблики двинулись на подавление мятежей. Вторая гражданская война началась.

В этой тревожной обстановке Уинстэнли писал свой второй трактат. Строго говоря, этот трактат нельзя назвать чисто теологическим, хотя темой его автор избрал толкование третьей части 11-й главы «Откровения св. Иоанна». За религиозными образами и символами в нем просматриваются насущные проблемы окружающей действительности. Трактат обращен к беднякам «к презираемым сынам и дочерям Сиона, рассеянными по всему Английскому королевству»²². И все рассуждения о Моисеевом законе, о духе Христа, о двух свидетелях, которые, согласно Апокалипсису, станут пророчествовать 1260 дней, затем будут убиты и воскреснут, к ужасу гонителей, ведут к мысли, что бедняки, истинные носители духа Христова, призваны обновить мир. Спаси его от корыстолюбия и эгоизма. «Вы люди,—говорит им Уинстэнли,—против которых проповедают, пишут, шлют петиции властям, чтобы растоптать вас ногами; вы люди, которых считают возмутителями спокойствия в царствах и приходах, где вы живете; а правда заключается в том, что вы — единственные мирные люди на земле»²³.

Социальные мотивы постоянно звучат в этом трактате. Власть имущие и богатые на заре христианской эры, пишет Уинстэнли, отвергли Иисуса не потому, что не признали его сыном божьим; они отвергли и казнили его потому, что видели в нем всего лишь «ремесленного работника, плотника»²⁴. Под именем книжников

и фарисеев, приверженцев буквы ветхозаветного учения, он клеймит англиканских священников и пресвитерианских догматиков, для которых служение богу сводится к пустым обрядам. В трактате звучит явный намек на правительственный ордонанс от 2 мая. Официальные церковные власти, пишет Уинстэнли, объявляют, что любят бога, а сами убивают и угнетают мирных людей, не разделяющих их принципов. Они узурпировали власть бога и создают «директивы, ордонансы и церковные правительства, чтобы заставить каждого под страхом тюремного заключения и смерти... подчиниться им как божьим директивам, ордонансам и правлению»²⁵.

Эсхатология в этом трактате также имеет определенно выраженный социальный подтекст. Время настало, день господень близок, убеждает автор, угнетение и несправедливость надут. Сами «святые», т. е. уверовавшие в свое предназначение бедняки, станут строить новое царство. Все, кто чинит произвол, кто угнетает слабых, должны быть сокрушены. Особенно это касается церковных властей. «Клерикальное, церковное, традиционное» управление, пишет Уинстэнли, следует вырвать с корнем, «ибо оно украдено обманым путем у королей земных с целью развязать войну против святых»²⁶.

Третий трактат Уинстэнли — «Рай для святых», согласно мнению исследователей, писался летом 1648 г. Гражданская война продолжалась. Стояла дождливая, ненастная погода. К июлю стало очевидно, что земля не принесет урожая, как и в прошедшие два года. Цены на продукты питания возросли, многие лавки закрывались, в петициях из графств люди жаловались на голод, нехватку продовольствия, тяжесть налогов. Немалое разорение несла война, бушевавшая в Уэльсе, в центральных и юго-восточных графствах, в непосредственной близости от Лондона. 8 июля 20-тысячная шотландская армия пересекла северную границу Англии. Немногом ранее роялисты захватили Понтефракт — важный укрепленный пункт в Йоркшире. Наиболее прозорливые и радикально мыслящие современники считали народные бедствия результатом сознательной политики стоявших у власти пресвитериан, переложивших все тяготы войны на плечи народных масс²⁷.

Основная мысль нового трактата Уинстэнли сводилась к утверждению, что бог обитает во внутреннем мире человека. Образ бога, сидящего во славе на небесах, писал он, — это ложный образ, сотворенный немощной и нечистой человеческой плотью. Он заставляет людей преследовать и убивать тех, кто думает иначе, чем они. «Смотрите на бога как на правителя внутри себя,—призывал мыслитель,—и не только внутри себя. Вы увидите и узнаете его в том духе, который пребывает в каждом

²¹ Acts and Ordinances of the Interregnum, 1642—1660. L., 1911. Vol. 1. P. 1133—1136.

²² Winstanley G. Op. cit. P. 87; Hayes T. W. Op. cit. P. 24.

²³ Hayes T. W. Op. cit. P. 24.

²⁴ Ibid. P. 28.

²⁵ Ibid. P. 37.

²⁶ Ibid. P. 41.

²⁷ Барг М. А. Указ. соч. С. 138—140.

мужчине и женщине, в каждом создании, согласно его роли в мире творений...»²⁸

Эта глубоко еретическая мысль приводила к выводам, далеко выходящим за рамки теологии: если бог находится внутри каждого человека, мужчины и женщины, богатого и бедного, почтаемого и презираемого, то все они равны между собой. Уверял бедняков в том, что бог обитает в их душах, Уинстэнли говорил им: вы не жалкие, приниженные создания, а носители великого духа. Потому не слушайте священников и проповедников, не починайтесь извне идущим приказам, а повинуйтесь только голосу справедливости внутри вас²⁹.

В этом трактате Уинстэнли высказывает очень важную для дальнейшего развития его учения мысль. Он приходит к выводу, что понятия бога и разума тождественны. «Тот дух, который составляет человечество.— утверждает он,— это чистый разум... Хотя люди и полагают, что слово Разум слишком ничтожно для обозначения Отца, все же это высочайшее имя, которое может быть Ему дано»³⁰. Соответственно и дьявол, библейский змий у Уинстэнли сводится к внутренним человеческим качествам, порокам, прежде всего к алчности и себялюбию, к плотским вожделениям. Он призывает людей освободиться «от уз алчной и выскомерной плоти», того змия, который держит их в рабстве течение всей жизни³¹. Дьявол для него — это «тот дух, который делает одного человека тираном над другим»; он пребывает внутри человека и являет собой «силу жадной плоти»³².

Таким образом, грехопадение человека и воскресение Христа переносятся во внутренний мир; а в религии более всего подчеркивается этическое правило: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой.

К концу августа вторая гражданская война была окончена, но насущные политические и социально-экономические проблемы все еще не нашли решения. Народ страдал от разрухи и голода. Социальное недовольство росло. И в сознании народа появилась «совершенно новая, по существу чуждая Лилберну и его единомышленникам, концепция основного конфликта в лагере парламента как конфликта между плебсом и классом собственников»³³. 11 сентября палате общин была вручена петиция, скрепленная 40 тыс. подписей. Она требовала установления народного суверенитета, ежегодного созыва парламента, упрощения законодательства и судопроизводства, уничтожения сословных привилегий, свободы совести, свободы торговли. Левеллеры, составившие петицию, писали: «Должны быть упразднены все произведенные

в последнее время огораживания общинных земель. Огораживания могут допускаться только или главным образом в интересах бедных»³⁴. Они настаивали на освобождении должников из тюрьмы и на отмене церковной десятины.

Демократические требования петиции были поддержаны широким движением по всей Англии. В Оксфордшире, Лестершире, Йоркшире и других графствах прошли митинги в ее поддержку, раздавались требования строгого наказания всех виновников гражданской войны и конфискации их имущества в пользу государства. Движение захватило и армейские отряды. Во многих местах солдаты требовали суда над королем.

Одновременно с этим движением 18 сентября в Ньюпорте, на острове Уайт, начались переговоры с монархом. Парламентские представители, в основном пресвитериане, выдвинули Карлу весьма мягкие условия мира. От него требовалось отменить все декларации против парламента, ввести в стране на три года пресвитерианское устройство церкви и на 20 лет передать парламенту управление милицией. Король, ожидавший поддержки Франции и Испании, а также восстания герцога Ормонда в Ирландии, затягивал переговоры, неопределенно обещая уступки. В самой же Англии парламентские пресвитериане повели наступление на инакомыслящих, в первую очередь на сектантов.

В эти дни был написан один из самых резких антиклерикальных трактатов Уинстэнли — «Истина, поднимающая голову над скандалами»³⁵. Поводом к его созданию послужили арест и тюремное заключение Уильяма Эверарда³⁶, которого обвинили в «богохульных мнениях»: в том, что он отрицает бога, крестную смерть и воскресение Христа, Троицу, Священное писание и молитву. Здесь еретическая теология Уинстэнли получает дальнейшее развитие. Он не только отождествляет понятия «бог» и «разум», как в предыдущем трактате, но и обосновывает эту точку зрения. Бог, пишет Уинстэнли, это «непостижимый дух, разум. Он правит всем творением в справедливости, мире и согласии». Разум ведет человека в его повседневной жизни путями самообуздания и добра. Он побуждает «поступать справедливо со своими братьями по творению; согласно разуму, возделывать землю, согласно разуму, использовать домашний скот; делать свое дело в ремесле или другом промысле честно, как того требует разум; поступать с женщинами и мужчинами так, как ты

³⁴ *Rushworth J. Historical collections (1618—1648). 2 ed. Vol. 1—8. L., 1721. Vol. 7. P. 1257—1258.*

³⁵ Предисловие к трактату датировано 16 октября 1648 г. См.: *Winstanley G. Op. cit. P. 97.*

³⁶ Уильям Эверард, бывший солдат кромвелевской армии и, по всей видимости, участник левеллерского движения, весной 1649 г. был наряду с Уинстэнли одним из вождей колонии диггеров. Позднее он отошел от них; участвовал в майском мятеже левеллеров 1649 г., а после его разгрома примкнул к мистической общине Джона Пордеджа. См.: *Winstanley G. Op. cit. P. 103—104; Hill Chr. The world turned upside down. L., 1973. P. 228—230.*

²⁸ *Petegorsky D. W. Left-wing democracy in the English Civil War. L., 1940. P. 132.*

²⁹ *Winstanley G. Op. cit. P. 44.*

³⁰ *Petegorsky D. Op. cit. P. 133.*

³¹ *Hayes T. W. Op. cit. P. 51.*

³² *Ibid. P. 59; Winstanley G. Op. cit. P. 95.*

³³ *Барт М. А. Указ. соч. С. 142.*

хотел бы, чтобы поступали с тобой»³⁷. На вопрос, что значит идти путями справедливости или жить согласно разуму, Уинстэнли отвечает: «Это значит прежде всего жить и действовать в любви к братьям по творению: накормить голодных, одеть нагих, освободить угнетенных, заботиться о сохранении других, как самого себя; смотреть на себя как на собрата по творению... всем другим созданиям, любых видов и состояний...»³⁸ В этих рассуждениях заключен глубокий революционный смысл. Ни англиканские иерархи, ни пресвитерианские проповедники, стоявшие у кормила правления, никогда не согласились бы с тем, что люди сами, помимо посредничества церкви, могут решать вопрос о том, как надо, согласно разуму, поступать в этом мире.

Но мало того. Уинстэнли в этом трактате выдвигает обвинения против официальных проповедников и доказывает, что они обманывают народ в целях личной наживы. Последние страницы трактата звучат как обвинительный акт. Английское духовенство, пишет Уинстэнли, в публичных богослужениях использует собственные вымыслы. Вы молитесь чужими заученными словами, обращаясь к представителям клира; вы учите со слов других; вы делаете из своей профессии ремесло и живете на выручку; вы не исполняете своих собственных предписаний; вы побуждаете гражданские власти заставлять народ ходить в храмы и слушать, как вы молитесь и проповедуете, а должны бы, наоборот, оберегать власти от подобных деяний. Вы заставляете прихожан платить вам десятину за ваши лживые проповеди, а если кто отказывается платить, вы жалуетесь в магистратуру и требуете, чтобы власти приняли меры. Вы крестите детей, чтобы вынудить их родителей платить вам деньги³⁹.

Неудивительно, что наполненный столь страстными обличениями трактат не мог быть опубликован в условиях пресвитерианской реакции. Даже Дж. Калверт, печатавший произведения левеллеров и наиболее крайних представителей левых сект, не решился выпустить его в свет; он вышел только после установления в Англии республики, в 1649 г. Его яростный обличительный тон, его смелая еретическая теология, явные социальные мотивы, звучавшие в нем, — все говорит о том, что автор его принадлежал к наиболее радикальному крылу революции.

Итак, четыре первых трактата Уинстэнли включают в себя следующие принципиальные положения: спасены и приобщены к божественной благодати могут быть все люди независимо от их сословной, социальной, национальной и прочей принадлежности для спасения не нужны храмы, клир, богослужения, обряды; наоборот, они ведут народ по ложному пути; духовенство вообще следует упразднить; носителями высшей мудрости и создателями являются бедняки, наиболее угнетаемые и презираемые в этом мире; они должны быть свободны; алчность, себялюбие, стремле-

ние к накопительству следует преодолеть как самые главные пороки, которые приводят к богатству и бедности, к угнетению одной ветви рода человеческого другой; идеал жизни людей в мире — единство, братство, «общность», сотрудничество; монархический строй и королевские законы осуждаются как тираннические и несправедливые; круглоголовые, индепенденты, представители народных сект объявляются защитниками правого дела; народ призывается к действию, к активному строительству нового царства на земле. Мы видим, что идеи эти носят революционный, антифеодальный характер. Они во многом повторяют положения антифеодальной программы крестьянско-плебейского лагеря в революции. В свете этих идей делается понятным и оправданным позднейший переход Уинстэнли к утопическому коммунистическим принципам.

Но прежде чем совершился этот переход, Англия пережила невиданные прежде потрясения. Революционное движение в антифеодальном лагере нарастало. 18 ноября Военный совет в Сент-Олбансе принял составленный Айртоном документ «Ремонстрация армии», где в полный голос прозвучало требование суда над королем. В ряде пунктов «Ремонстрация» повторяла программу левеллеров: народ является верховной властью в стране и король должен избираться представителями народа; нынешний парламент следует распустить и назначить выборы в повый, на основе новой конституции; если же эти реформы проведены не будут, армия возьмет дело в свои руки. Таким образом, две главные политические силы буржуазной революции — индепенденты и левеллеры — объединились для нанесения монархии решительного удара.

Их поддерживало, их толкало вперед по этому пути широкое движение низов. В парламент и совет офицеров ежедневно поступали петиции с аналогичными требованиями. «Ремонстрация армии» тотчас же по выходе была размножена в сотнях экземпляров; ее читали повсюду. 20 ноября офицеры толпой ворвались в палату общин и вручили спикеру «Ремонстрацию». Индепендентское меньшинство палаты поддержало ее требования. Но парламент отклонил «Ремонстрацию», предложил объявить ее авторов мятежниками и удалить армию из столицы. В ответ на это Военный совет 30 ноября заявил, что большинство палаты состоит из изменников и продажных людей; в интересах народа парламент должен быть от них очищен. 2 декабря армия заняла Лондон, а 6 декабря произошла знаменитая «Прайдова чистка», которая удалила из парламента пресвитериан — противников суда над королем.

Оставшиеся в палате индепенденты аннулировали все соглашения с монархом; он был переведен в Виндзорский замок. В парламент шли петиции с требованием суда над ним; беспокойные толпы собирались на улицах Лондона; армейские офицеры, левеллеры, ветераны гражданских войн, парламентские республиканцы, подмастерья и лавочники требовали наказать винов-

³⁷ *Winstanley G. Op. cit. P. 107, 136—137.*

³⁸ *Ibid. P. 111.*

³⁹ *Ibid. P. 142—144.*

ников угнетения и кровопролития. Под их давлением король был привлечен к судебной ответственности⁴⁰. Общины провозгласили себя верховной властью в стране, т. е. отвергли власть короля и лордов и, по существу, объявили Англию республикой.

Закрытые заседания суда шли с 8 января, а 20-го в Вестминстер-холле начался открытый процесс. Члены палаты общин и армейские офицеры, составившие «Верховный суд справедливости», публично обвинили «божьего помазанника» в злоупотреблении доверием народа и попытке установить единоличную тиранию. 26 января суд признал Карла Стюарта «тираном, предателем и убийцей, открытым врагом Английского государства» и приговорил к смерти «путем отсечения головы от тела». Этим же днем датирован трактат Уинстэнли «Новый закон справедливости».

Политические потрясения, которые пережила в эти месяцы Англия, оказали существенное влияние на развитие мировоззрения Уинстэнли. Мимо него не могли пройти важнейшие события революции, знаменовавшие собой гибель старого мира и переоценку многих устоявшихся представлений. В эти именно месяцы происходил перелом и в идейной жизни революционного лагеря. Помимо движения в пользу суда над королем и свержения монархии, существовали и другие, более глубоко затрагивавшие основы социального строя течения общественной мысли. После окончания гражданской войны в сознании народных масс все больше зрело понимание того, что «источником их страданий является социальная несправедливость, крайне неравномерное распределение благ»⁴¹. «Разговоры об уравнивании имуществ», как признавали современники, в это время были «столь же громки, как и «крики о хлебе»⁴². Этот факт дает основание полагать, что движение «истинных левеллеров» появилось значительно раньше того момента, когда идеология диггеров была сформулирована Уинстэнли⁴³.

5 декабря вышел из печати памфлет «Свет, воссиявший в Бекингемшире, или Раскрытие главных основ и первоначальных причин всякого рабства в мире, но особенно в Англии, представленное в виде декларации многих благонамеренных жителей этой страны всем ее беднякам, угнетенным сельским жителям Англии, а также на рассмотрение армии под командованием лорда Фэрфакса»⁴⁴.

Бекингемшир примыкает к Лондону с северо-запада. Издавна это графство было центром народных волнений: здесь проповедовал Уиклеф, собирались лолларды; здесь пустило корни движение анабаптистов, связанное с традициями Мюнстерской коммуны. В этом графстве аграрная революция совершалась наиболее

интенсивно; размеры огораживаний были значительны, расслоение крестьянства шло высокими темпами, что вызывало социальный протест. Здесь были сильны позиции политических левеллеров⁴⁵. Содержание памфлета «Свет, воссиявший в Бекингемшире», во многих своих пунктах совпадает с программой левеллеров. Автор его требует установления народного суверенитета, отмены монархии, ежегодных парламентов, сменяемости властей, реформы законодательства. Так же, как Лилберн и его единомышленники, он объясняет существовавшую социальную несправедливость с помощью теории нормандского завоевания. Однако по своему классовому содержанию этот памфлет идет гораздо дальше левеллерских документов.

Человек, говорилось в нем, был создан господином над всей землей и над всеми живыми тварями, но не над себе подобными. Главный закон творения — закон равенства: все люди по рождению своему имеют равные права и привилегии и могут наслаждаться плодами земными в одинаковой мере так, чтобы владение одного не превышало владений другого. Требование уравнивания состояний, от которого политические левеллеры не раз уже настоятельно отрекались, звучит в этом памфлете в полный голос. Поскольку «все имеют одинаковые привилегии по праву рождения, — говорилось в памфлете, — то все люди должны наслаждаться сотворенным в одинаковой мере так, чтобы владение одного не превышало владения другого»⁴⁶.

Автор этого памфлета на первое место ставил право всех людей иметь равную собственность. Владения и права лордов, писал он, результат насильственного захвата, убийства, грабежа. Все творения — земля, деревья, животные, рыба, птица — попали в руки немногих; остальные лишены самого необходимого и превращены в рабов; если они срубят дерево, чтобы растопить очаг, их казнят; если подстрелят птицу, их посадят в тюрьму. Беднякам нет возможности ни завести скот, ни построить дом, ибо вся земля огорожена лордами. Первоначальное равенство разрушено, на его место пришло общество богатых и нищих⁴⁷.

Антифеодалная направленность подобных высказываний очевидна. Ясно и другое: перед нами — изложение многих из тех мыслей, которые будут позднее сформулированы Уинстэнли в его «диггерских» произведениях. Показательно в этом отношении безоговорочное отрицание монархического строя, выраженное в памфлете. Само понятие свободы как свободы от всякого угнетения, политического и экономического, приводит автора к отождествлению монархии с системой лендлордизма, с социальной несправедливостью. «Короли, — писал он, — происходят от зверя, а зверь — от дьявола; отсюда ясно, что те, кто поклоняется вла-

⁴⁰ Journals of the House of Commons. L., S. a. Vol. VI. P. 107.

⁴¹ Барг М. А. Указ. соч. С. 143.

⁴² The leveller tracts, 1647—1653. N. Y., 1944. P. 130.

⁴³ Барг М. А. Указ. соч. С. 146.

⁴⁴ Winstanley G. Op. cit. P. 611.

⁴⁵ The leveller tracts, 1647—1653. P. 302.

⁴⁶ Winstanley G. Op. cit. P. 611.

⁴⁷ Ibid. P. 612.

сти короля, поклоняются дьяволу»⁴⁸. Королевская власть всегда тирания, ибо она узаконивает неравенство состояний путем сложной системы хартий, монополий, патентов, даров и огораживаний. «Всякая тирания находит приют под королевскими крыльями»⁴⁹.

Социальный идеал, обрисованный в памфлете, предполагает уничтожение крупного землевладения и установление такого строя, где все люди были бы «освобождены от рабства» и имели бы равную долю в земных благах, прежде всего во владении землей. Каждый должен трудиться и есть хлеб, добытый собственными руками⁵⁰.

Нетрудно усмотреть в этих требованиях черты крестьянского образа мыслей. Эгалитаризм, всеобщий труд, отсутствие угнетения — все это пункты крестьянско-плебейской аграрной программы в революции. Некоторые исследователи полагают, что Уинстэнли сам был автором этого памфлета⁵¹. В самом деле многие положения его трактатов, в том числе и «Нового закона справедливости», совпадают с мыслями, высказанными анонимным автором. В частности, в памфлете высказана мысль, очень существенная в свете дальнейшего развития мировоззрения Уинстэнли: апостолы, как повествуют «Деяния», жили одной семьей и владели всем сообща; каждый трудился и ел свой хлеб⁵². Но внимательное рассмотрение произведений Уинстэнли и бекингемширского памфлета заставляет отвергнуть это предположение. Уинстэнли обосновывает свои коммунистические воззрения ссылкой на личное откровение, «пережитое в транс» и во многом, как мы увидим ниже, еще выводит свои идеи из религиозных постулатов. Аргументация анонимного памфлета имеет более земной социальный и политический характер: она включает теорию нормандского завоевания, доказательства того, что королевская власть противоречит установлениям Писания и в нем подчеркивается противоположность между богатыми и бедными. Сравнение стиля сочинений Уинстэнли и стиля анонимного памфлета также говорит в пользу того, что последний написан другим автором. Наконец, Уинстэнли всегда ставил свое имя под тем, что он публиковал, а «Свет...» вышел анонимно; сочинения Уинстэнли выходили, как правило, из печати Дж. Калверта «Свет...» опубликован в другой типографии.

Однако не исключена возможность, что Уинстэнли читал памфлет и даже поддерживал связи с группой бекингемширских левеллеров⁵³. Он принял для диггеров название «истинные левел-

леры», подчеркивая тем самым свою связь с этим движением и в то же время принципиальное отличие от него; он обосновывал право на вскапывание общинных пустошей теорией нормандского завоевания; многое в аргументации его позднейших сочинений сходно с доводами анонимного автора «Света, воссиявшего в Бекингемшире».

Трактат «Новый закон справедливости» по стилю мало чем отличается от ранних произведений Уинстэнли. В нем отмечается столь же тесное сращение религиозных мотивов с социальными. Видимо, это обстоятельство дало основание Джуретику называть его «последним миллениарийским трактатом» Уинстэнли. Однако если в первых произведениях защита бедняков, тема равенства, осуждение богатства и тиранического королевского правления встречаются как отдельные, не всегда ясно выраженные мысли, революционный потенциал которых находится еще в скрытом виде, то здесь, несмотря на мистическую и эсхатологическую форму, социальная сущность учения выступает на первый план. Это относится прежде всего к тому «откровению», которое послужило отправным пунктом коммунистической теории Уинстэнли⁵⁴. Пребывая «в транс», он, как сам сообщает, услышал следующие слова: «Работайте вместе. Ешьте хлеб вместе; возвести это повсюду». И далее: «Кто работает на земле на какое-нибудь лицо или лиц, возвышающих себя как господа и правители над другими, и кто не смотрит на себя как на равного другим во творении, рука господня да падет на того работника. Я, господь, говорю это, и я сделаю это; возвести это повсюду»⁵⁵.

Уже приведенные слова содержат в себе важнейшие элементы учения Уинстэнли. «Неземной голос» предлагает беднякам — а именно к ним и обращен трактат — совместно обрабатывать кормилицу-землю и совместно же питаться плодами своего труда. «Коммунистический» призыв, как справедливо отмечает М. А. Барг⁵⁶, высказан. Но мало того, Уинстэнли здесь впервые осознает, что старые устои общества, основанного на эксплуатации бедняков, должны быть разрушены до основания. Бедняки должны прекратить работать на лордов, им следует самовольно сбросить с себя иго угнетения, счесть себя равными богачам и работать всем вместе на справедливое, состоящее из таких же тружеников общество. В противном случае им угрожают страшные беды. Таким образом, слова «откровения» опровергают мнение тех историков, которые пытаются показать, что Уинстэнли мечтал лишь об ограниченном «государстве в государстве», об общинах бедняков, сосуществующих с эксплуататорским строем⁵⁷.

⁴⁸ Ibid. P. 190.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Барг М. А. Указ. соч. С. 157.

⁵¹ См. выше, с. 130.

⁴⁸ Ibid. P. 612—613.

⁴⁹ Ibid. P. 612.

⁵⁰ Ibid. P. 616.

⁵¹ Gooch G. P. English democratic ideas in the 17th Century. Cambridge, 1954. P. 187; Bernstein E. Cromwell and communism. L., 1930. P. 132; Berens L. The Digger movement in the days of the Commonwealth. L., 1961. P. 82; Стальной В. Уинстэнли — идеолог коммунизма в Великой английской революции // Изв. АН СССР. 1935. № 1. С. 51.

⁵² Winstanley G. Op. cit. P. 616.

⁵³ Ibid. P. 606.

Все содержание трактата говорит о том, что Уинстэнли называл тот великий переворот, который переживала Англия, как переворот в пользу бедных, трудящихся, угнетенных. «Дорогие братья,— писал он в первых строках,— хотя вы и были прежде и остаетесь донныне презираемыми в мире сем, все же благословение Всевышнего (вашего царя справедливости) находится в вас и распространится от вас, дабы наполнить землю. Вы — то поле, в котором скрыто сокровище...»⁵⁸ Тот же мотив звучит на протяжении всего трактата. Бедняки предстают в образе кроткого Иакова, которого поработил «господин Исав». «Трепещи, господин Исав... — предупреждает Уинстэнли. — Ты будешь разорен, погублен, станешь слабеть все больше и больше, пока след от тебя не изгладится с лица земли...»⁵⁹

Уинстэнли подчеркивает, что царство справедливости должно прийти на землю, воплотиться в этом, постороннем мире. Трижды лгут те, пишет он, кто уверяет с церковных кафедр, что справедливость возможна только за гробом. «О вы, питающиеся слухами проповедники,— обращается он к духовенству,— не обманывайте больше народ, говоря ему, что слава [господня] не будет познана и увидена до тех пор, пока тело не ляжет в прахе. Говорю вам, эта великая тайна начала уже проявлять себя и должна быть увидена материальными, плотскими глазами; и все пять чувств, которыми обладает человек, примут участие в этой славе»⁶⁰. Исполнителями же великого переворота станут бедняки, угнетенные.

Заслугой Уинстэнли является тот факт, что он одним из первых мыслителей-утопистов увидел в угнетенных трудящихся классах силу, способную построить справедливое общество на земле. Он обращается к ним с поистине революционным призывом: «Вы, прах земли, что попран ногами, вы бедные люди... вспомните о ваших правах, ибо закон справедливости уже провозглашен»⁶¹. В этом соединении примитивно-коммунистического идеала с попыткой побудить к активным действиям угнетенные массы народа — своеобразие исследуемого трактата.

Так же как и левеллеры-политики, и «истинные левеллеры» из Бекингемшира, Уинстэнли здесь утверждает равенство всех людей. Особенно он подчеркивает необходимость установления имущественного равенства. Многие думают, пишет он, что так называемые богатые, владеющие мирскими благами, должны править бедняками, а бедняки обречены быть их слугами, вернее сказать, рабами. Но изначально все были созданы равными и имели одинаковое право пользоваться земными благами⁶². Эти положения почти дословно совпадают с тем, что было высказано в памфлете «Свет, воссиявший в Бекингемшире». Однако Уин-

стэнли делает еще один существенный шаг. Он предлагает не уравнивать, а обобществить землю со всеми ее богатствами.

Именно в этом памфлете Уинстэнли впервые обнаруживает ясное понимание причин социальной несправедливости, коренящихся в существовании частной собственности на землю. «Земля была создана не для немногих,— пишет он,— но для всех, чтобы всем жилось хорошо от плодов ее»; «как единый дух справедливости является общим для всех, так и земля и ее блага должны быть общими»⁶³. Человек, заявляющий о своем праве собственности на какой-либо участок земли, нарушает данный творцом закон справедливости и навлекает на парод беды, угнетение, нищету, несправедливые законы. Ибо, когда немногими алчными людьми земля была захвачена в частное владение, остальной народ, лишенный средств к существованию, вынужден стал работать на захватчиков, чтобы прокормить себя. Так возникло порабощение бедняков. А лорды, дабы усилить власть над ними и утвердить свои привилегии, создали систему законов и правительств, установили церковь, послушную их воле, и подчинили народ власти корыстных, лживых священнослужителей. Как следствие частной собственности возникла купля-продажа; она закабалила бедняков еще больше. Таким образом, частная собственность — основание всех бед и несчастий в мире, «проклятие и бремя, под которым стонет творение»⁶⁴. И потому «не настанет всеобщая свобода до тех пор, пока не будет установлена общность для всех»⁶⁵.

Чтобы закрепить победу над королем и лордами, чтобы построить в Англии, а затем и во всем мире действительно счастливую и разумную жизнь, Уинстэнли считает необходимым отменить частную собственность на землю, уничтожить деление на «мое» и «твое», перестать работать на богачей, прекратить покупать и продавать, ибо торговля — не что иное, как орудие частной наживы⁶⁶. Только если земля опять станет общей сокровищницей для всех, справедливость будет восстановлена.

Появилось ли это «социальное прозрение» внезапно? Есть ли органическая связь между «новым Уинстэнли» — убежденным социальным мыслителем, каким он предстает в цитируемом трактате, и автором религиозных сочинений 1648 г.? Выше мы видели, что и первые творения его содержали определенные социальные мотивы весьма радикального свойства. Более конкретно проследить эту линию в мировоззрении мыслителя позволит анализ некоторых принципиальных положений, выдвигаемых в «Новом законе справедливости».

Значительное место в учении Уинстэнли занимает толкование мифа о грехопадении. В ранних трактатах под грехопадением понимался выбор человечеством (Адамом) «пути плоти» — эгоистического наслаждения объектами внешнего мира. В «Новом зако-

⁵⁸ Winstanley G. Op. cit. P. 149.

⁵⁹ Ibid. P. 189.

⁶⁰ Ibid. P. 170.

⁶¹ Ibid. P. 194.

⁶² Ibid. P. 179, 180, 182.

⁶³ Ibid. P. 199, 184, 195.

⁶⁴ Ibid. P. 200.

⁶⁵ Ibid. P. 199.

⁶⁶ Ibid. P. 159.

не справедливости» тема эта получает дальнейшее развитие. Пятая глава трактата специально посвящена этому вопросу. «Не говорите больше народу.— обращается Уинстэнли к проповедникам,— что человек по имени Адам, который оказал неповиновение около 6000 лет назад, был тем человеком, который наполнил каждого грехом и мерзостью потому, что съел яблоко... Адам находится внутри каждого мужчины и каждой женщины»⁶⁷. Плод, который вкусил первый человек,— «это внешние объекты творения... такие, как богатство, почести, удовольствия, посредством коих питаются силы плоти, дабы усладить себя»⁶⁸. Это падение не единственный исторический акт, совершившийся когда-то; весь род человеческий и каждый его представитель в отдельности ежедневно совершают его, когда «улаживают себя внешними объектами»⁶⁹. «Вы — тот мужчина и женщина, что съели запретный плод,— говорит Уинстэнли современникам,— ибо вы улаживаете себя более объектами творения, нежели духом»⁷⁰.

Уинстэнли выражает эту мысль и более определенно. Главный «бег мира сего», который совратил человечество и повел его по пути несправедливости и угнетения,— это «алчность», «частный интерес»⁷¹. По существу, «частная собственность, мое и твое навлекли на народ все несчастья»⁷². Изначальная, данная человеку свобода обрабатывать землю и господствовать над тварями земными была «разбита в щепы силой алчности, и гордыни, и себялюбия»⁷³.

Таким образом, библейский миф получает совершенно новое и, как отмечает К. Хилл, «наиболее оригинальное и крайне еретическое» толкование⁷⁴. В то время как протестантская ортодоксия связывала грехопадение с человеческой гордыней, а неравенство, несправедливость и пороки считала лишь следствиями грехопадения, Уинстэнли связал его с возникновением частной собственности. Он использовал библейский миф для обоснования необходимости обобществления владений.

В «Новом законе справедливости» впервые выражено представление Уинстэнли о будущем справедливом строе — представление, легшее затем в основу его утопии «Закон свободы». Главная отличительная черта его — отмена всякого рода частной собственности. Никто не сможет, пишет Уинстэнли, заявлять

своих прав на землю или любую другую собственность, говоря: это — мое, а это — ваше; это — моя работа, то — твоя; но каждый будет своими руками возделывать землю и выращивать скот. «Никто из людей не будет иметь больше земли, чем сможет сам обработать, или другие будут работать с ним в любви, трудясь вместе и вместе вкушая хлеб свой... не платя наемной платы и не беря наемной платы»⁷⁵. Мы видим, что идеал «общинной жизни» обозначен здесь еще нечетко: неясно, будет ли каждый глава семьи обрабатывать выделенный ему надел, или «все вместе» станут работать на обобществленной земле. Ясно другое: земля перестанет быть частной собственностью, перестанет продаваться и покупаться; труд будет свободным, ненаемным и совместным.

Это разъясняется в трактате и дальше. Если тот, кто ныне имеет землю, добровольно отдаст ее в общее владение, а сам по каким-либо причинам не сможет на ней работать, «такой человек будет сохранен трудом других». Если же «какой-либо человек имеет землю и не может и не хочет работать, но будет стремиться править как тиран, обременяя творение, рука господня падет на него... Он будет вынужден работать и есть свой хлеб в поте лица своего, а не чужого, пока он не познает сам себя как равноправный член, а не господин над творением»⁷⁶. Та же участь постигнет тех, кто «нарушит закон справедливости». Здесь Уинстэнли высказывает мысль, разработанную позднее в «Законе свободы»: преступник, нарушитель закона, не должен заключаться в тюрьму; он станет общественным слугой, дабы трудом своим искупить вину⁷⁷.

Идея общественных складов для удовлетворения нужд каждого члена общества впервые появляется в этом трактате. «Когда человек будет иметь нужду в корме для скота, он возьмет его из ближайшего хранилища, которое встретит»⁷⁸. Этой мысли сопутствует ссылка на известное положение из «Деяний апостолов», где говорится: «И никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее»⁷⁹. Уинстэнли делает здесь весьма важную оговорку, повторяющуюся затем на протяжении всего его творчества: равным для всех и полным образом должны быть удовлетворены только самые насущные потребности. «Если человек имеет пищу, питье и одежду, он имеет достаточно, и все будут с радостью прилагать руки к тому, чтобы произвести те вещи, которые необходимы, помогая друг другу; и не будет господина над другими...»⁸⁰ Духовное обновление человека приведет к тому, что он сам по доброй воле умерит свои вожделения.

⁶⁷ Ibid. P. 176.

⁶⁸ Ibid. P. 177; ср.: P. 156.

⁶⁹ Ibid. P. 211.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid. P. 197.

⁷² Ibid. P. 201.

⁷³ Ibid. P. 182.

⁷⁴ Hill Chr. A Rejoinder // Past and Present. 1980. N 89. P. 151. В последующих работах Уинстэнли эта мысль получает еще более определенное выражение: «Когда человечество начало ссориться между собою из-за земли и некоторые захотели иметь все, а других всего лишить, заставив их быть слугами, это и было грехопадением человека» (Winstanley Op. cit. P. 301, 323, 424, 511).

⁷⁵ Ibid. P. 191.

⁷⁶ Ibid. P. 191—192.

⁷⁷ Ibid. P. 185.

⁷⁸ Ibid. P. 184.

⁷⁹ Деян. 4.32.

⁸⁰ Winstanley G. Op. cit. P. 184

Здесь знаменательна одна оговорка. Женщина издревле рассматривалась как собственность мужчины. Уинстэнли предвидел, что требование общности имуществ, прежде всего общественной собственности на землю, будет связываться в сознании людей с общностью жен. Он специально разъясняет уже в этом трактате, что «новый закон справедливости» не предполагает обобществления женщин или полигамии. Он утверждает полное равенство между мужчиной и женщиной. «Когда был создан человек, — пишет он, — он был создан в мужском и женском облике. Он и мужчина и одна женщина соединяются по закону любви... Разум не позволяет одному мужчине и многим женщинам или одной женщине и многим мужчинам соединяться вместе, чтобы сделать творение совершенным, но мужского и женского в единственном числе достаточно для того, чтобы увеличить посев»⁸¹. Уинстэнли будет и дальше во многих своих работах, включая и «Закон свободы», отстаивать этот принцип. Современные ему церковь, государство и общественная мораль провозглашали своим принципом единобрачие; на деле же этот принцип постоянно нарушался. Уинстэнли полагает, что на смену живым установленным придет новая мораль⁸².

Интересно отметить, что превращение земли в общую сокровищницу и очищение человека от себялюбия, алчности и стремления властвовать над другими, в представлении Уинстэнли, приведут и к преобразению всей природы. «Когда род человеческий будет возрожден и избавлен от проклятия... другие твари будут исправлены и освобождены от своих тягот, а земля — от терний, волчцов и бесплодия; воздух и ветры — от не соответствующих времени года бурь и ненастий; животные — от злости и ненависти один против другого»⁸³. Эта мысль развивает и возводит на новую ступень идеи, высказанные в «Тайне бога» и «Истине, поднимающей голову над скандалами». Там говорилось, что когда спасение придет ко всем людям, то Земля с населяющими ее растениями и животными, а также Солнце, Луна, звезды исчезнут или преобразятся, ибо тогда «не будет нужды в скоте, зерне, пище или питье»⁸⁴. Тесная связь духовного состояния человечества с состоянием природы — важный элемент учения Уинстэнли, сыгравший значительную роль в складывании его коммунистических воззрений⁸⁵.

Духовное возрождение человека способно преобразить всю природу. Бесплодная земля делается плодоносной. Тому же, кто «возропщит и скажет: верески и пустоши бесплодны» — и тем самым выступит против созидательного труда бедняков, Уинстэнли

⁸¹ Ibid. P. 185.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid. P. 169, 153. Это положение перекликается с известными образами «Откровения св. Иоанна» (22.3.5; см. также: 21, 23; Ис. 60.19; ср.: Рим. 8.21—22).

⁸⁴ Winstanley G. Op. cit. P. 82; ср.: Ис. 60.19.

⁸⁵ Sabine G. Introduction // Winstanley G. Op. cit. P. 42, см. также: Ibid. P. 113—114, 156.

ли отвечает: «Пусть они идут своей дорогой; их доля не здесь; они живут в низкой плоти, не на высоте духа»⁸⁶.

Уверенность в преобразовании природы в результате духовного обновления человечества не покидает Уинстэнли и позже, в разгар работы диггеров на холме св. Георгия. В «Знамени, поднятом истинными левеллерами» высказано то же убеждение⁸⁷.

Таким образом, мистический, религиозный элемент присутствует в мировоззрении мыслителя как до создания диггерской колонии, так и после начала вскапывания пустоши. Религиозное и социальное содержание здесь сращены теснейшим образом; это еще раз свидетельствует о том, что положение Джуретика о репительном разрыве между Уинстэнли-диггером и Уинстэнли — религиозным мыслителем вряд ли можно признать правомерным.

Очень важным представляется толкование Уинстэнли понятия «свобода», впервые появляющееся в «Новом законе справедливости» и получившее затем детальную разработку в его утопическом проекте. Уже здесь Уинстэнли выдвигает одно из главных положений своего учения: истинная свобода заключается в свободе пользования землей⁸⁸. Тираническая власть монарха и лордов зиждется на том, что они обманом или насилем отняли у народа землю; алчность и себялюбие заставляют их становиться господами и тиранами над своими собратьями. Эгоистический интерес побуждает их «охранять частную собственность с помощью закона правления, созданного ими самими, и тем самым отстранять других собратьев по творению от поисков пропитания на своей матери-земле»⁸⁹. При этом бедняки, работая на богатых, сами способствуют упрочению тирании. «Ибо воистину простой народ своим трудом... сам поставил над собой лендлордов и им подобных, чтобы они правили ими посредством тирании и угнетения»⁹⁰. Задача всех государственных установлений — судов, магистратов, парламента, церкви — сохранить власть тиранов, узурпировавших землю, и держать трудящихся бедняков в повиновении. Они «позволяют обидчику-богачу быть свободным, ибо они не считаются со своими письменными законами, подобно тому как священнослужители не считаются с Писанием и действуют под влиянием ненасытной жадности»⁹¹.

Уинстэнли предупреждает те революционные силы, которые готовы были казнить тирана: убить одного человека и оставить нетронутыми социальные основы его господства — значит сохранить угнетение народа. Великий вселенский переворот, призванный установить на земле царство справедливости, не должен быть делом рук небольшой кучки людей, «которые вырвут тираническую власть из рук одних и присвоят ее себе»⁹². Алчная

⁸⁶ Winstanley G. Op. cit. P. 199.

⁸⁷ Ibid. P. 260; см. также: Berens L. Op. cit. P. 39.

⁸⁸ Winstanley G. Op. cit. P. 182.

⁸⁹ Ibid. P. 158.

⁹⁰ Ibid. P. 159.

⁹¹ Ibid. P. 188.

⁹² Ibid. P. 181.

плоть может убить тирана и захватить в свои руки его власть; но тогда все останется по-старому: «тирания останется тиранией»⁹³. Только «когда земля станет общей сокровищницей», тирания исчезнет с ее лица. «Не может быть полной свободы, пока не будет установлена эта полная общность. Все слезы, порожденные рабством, не смогут быть осушены, пока земля не перестанет в пользование всем как общая сокровищница»⁹⁴.

Таким образом, уже в этом трактате Уинстэнли обнаруживается понимание той важнейшей закономерности, которую упорно не хотели признать левеллеры — сторонники Лилберна: что политическая несвобода происходит от существования частной собственности и порожденного ею социального неравенства.

Это понимание основополагающей причины социальной вражды и бедствий рождает и программу действий, ясно очерченную в «Новом законе справедливости». Прежде всего беднякам следует перестать работать на богатых. Если они, не отбирая у лорда его имущества и не чиня насилия, просто откажутся обрабатывать его поля и предоставят ему добывать хлеб своими руками наравне со всеми, это уже само по себе будет великим переворотом, важным шагом к установлению «царства справедливости»⁹⁵. Вместо труда на полях лорда бедняки могут обрабатывать пустующие общинные земли.

Мысль об обработке неимущими пустующих земель не была новой. Она встречается в ряде анонимных памфлетов эпохи революции, она достаточно ясно высказана автором «Света, воссиявшего в Бекингемшире». Уинстэнли подхватывает эту мысль и призывает осваивать общинные владения. «И пусть простой народ... работает вместе и вместе ест хлеб на общинных землях, горах и холмах. Ибо как огороженные земли называются землями такого-то или такого-то человека, так общинные земли и пустоши называются землями простого народа, и пусть мир увидит, кто обрабатывает землю в справедливости»⁹⁶. Он убеждает читателя, что две трети земель в Англии до сих пор не возделаны; значит, имеется достаточно средств, чтобы прокормить всех нуждающихся⁹⁷.

Уинстэнли здесь отваживается предложить и более обширную, более детальную программу действий для бедняков. Обработка пустошей — только первый шаг в ее исполнении. Беднякам нужно отказаться следовать за чужими мыслями, чужим знанием; они должны «слушать голос разума» внутри себя. «Это значит, — поясняет он, — отбросить тень учености и отвергнуть алчную, хитрую, гордую плоть, что обманывает весь мир своими речами и традиционной проповедью из слов, букв и звуков, без духа»⁹⁸.

⁹³ Ibid. P. 198.

⁹⁴ Ibid. P. 188, 199.

⁹⁵ Ibid. P. 195.

⁹⁶ Ibid. P. 196.

⁹⁷ Ibid. P. 200.

⁹⁸ Ibid.

Необходимо далее уничтожить частную собственность и следствие ее — куплю-продажу. «Пусть каждый откроет свои сундуки и амбары, чтобы все могли насытиться от изобилия земли, чтобы бремя нищеты могло быть устранено. Оставьте куплю и продажу земли или плодов земли...», пусть «никто не огораживает и не присваивает какую-либо часть земли, говоря, что это — мое... и пусть слово господне действует среди всех: трудитесь вместе, ешьте хлеб вместе»⁹⁹.

Следующее требование касается вопроса о власти. Уинстэнли убежден, что «всякое верховенство и господство» одного человека над другим следует уничтожить, ибо вся масса человечества есть единый живой организм. Он призывает отменить тюремные заключения, бичевания и казни. В дальнейшем в «Законе свободы» он признает необходимость государственной власти, а вместе с ней — выборного парламента, смотрителей за работами, избранных народом проповедников, наблюдателей, судей и даже палачей. Ныне же в преддверии нового политического строя он озабочен более всего тем, чтобы установить социальную справедливость. «И позвольте тем, — пишет он, — кто до этого не имел земли и был вынужден грабить и красть из нужды, позвольте им спокойно пользоваться землей, работая на ней, чтобы каждый мог наслаждаться благами творения и есть свой хлеб, добытый в поте лица. Ибо, конечно, это частная собственность, мое и твое навлекли на народ все несчастья»¹⁰⁰.

Такова революционная программа построения нового мира, которую предлагает Уинстэнли в трактате «Новый закон справедливости». Она выкристаллизовалась среди смешения мистических порывов, попыток определить место человека во Вселенной, откровений, размышлений над Писанием, этических рассуждений, анализа современной ему социальной действительности. Она обрела материалистические черты: сначала нужно уничтожить корень всех зол — частную собственность на землю — и на основе общественной собственности на землю строить «царство справедливости». Программу эту отличает высокая четкость мысли. Уинстэнли предлагает провести коренную ломку протестантской идеологии, ликвидировать существующий социально-экономический порядок, обобществить владения и передать их в руки трудящихся; разрушить старое государство — аппарат насилия, т. е. произвести коренную перестройку всей общественной жизни.

Он полагает, что исполнить эти задачи должны «беднейшие» и потому «лучшие» люди Англии. Радуйтесь, обращается он к ним, ибо время настало, и младший, угнетенный брат Иаков поднимается, чтобы строить новое царство. «Он должен восстать, и он восстанет в вас, которых попирают ногами». «Власть несправедливости... будет ныне сокрушена, покорена», ибо «наста-

⁹⁹ Ibid. P. 200—201.

¹⁰⁰ Ibid. P. 201.

ет время, когда люди будут не говорить о справедливости, но исполнять справедливость». Такими мотивами пронизан весь трактат¹⁰¹. На основании этого М. А. Барг справедливо замечает: «В высшей степени ошибочно усматривать в Уинстэнли лишь мечтателя. Наоборот, в практической деятельности, в немедленном претворении своего откровения в жизнь Уинстэнли усматривал свое подлинное призвание»¹⁰².

Вопрос о конкретных способах перестройки мира остается для Уинстэнли еще неясным. Первый шаг к преобразованиям сделан: скорое наступление светлого будущего возведено и контуры его в общих чертах обрисованы. Как и где начать работу с бедняками по коллективной обработке «ничейной земли», он еще не знает. «Когда господь покажет мне,— пишет он,— место и способ, как нам, кто зовется простыми людьми, возделывать и обрабатывать общинные земли, я пойду дальше и покажу на деле, как есть свой хлеб в поте лица, не служа никому и никого не нанимая, видя в земле свободное всеобщее достояние, как мое, так и других...»¹⁰³

Три месяца спустя, 1 апреля 1649 г., Уинстэнли во главе диггеров начал осуществлять эту программу действий. Опыт первых недель существования Английской республики и дальнейшие размышления о способах построения нового мира, без угнетения человека человеком, привели к созданию общины бедняков. Из сомнения, конкретная работа по руководству колонией, столкновения с социальной действительностью привели к дальнейшему развитию учения мыслителя, кое в чем изменили его взгляды, поставили их на более реальную почву. Проследивая творчество Уинстэнли в период с весны 1649 до начала 1652 г., мы увидим, как реалистическое начало все более побеждает в нем; мистику и эсхатологию первых трактатов сменяет трезвый пантеизм «Закона свободы».

Однако представляется несомненным, что какого-либо решительного разрыва между «Уинстэнли-мистиком» и «Уинстэнли-диггером» не существовало. Свидетельство тому — его трактат «Неопалимая купина», написанный, как теперь доказано, в феврале—марте 1650 г.¹⁰⁴ Там Уинстэнли пытается вновь осмыслить библейское предание о грехопадении, изгнании человека из Эдема, его проклятии и духовном воскресении; он толкует книгу Даниила и апокалипсические пророчества, рассуждает о царствах духа и дьявола; он вновь слышит голоса, вновь переживает и описывает откровения. Даже в «Законе свободы», наиболее реалистическом своем произведении, Уинстэнли не порывает до конца с мистическим религиозным мировоззрением.

Анализ ранних произведений мыслителя показывает, что радикальные социальные мотивы, приведшие к складыванию его

коммунистической концепции, присутствовали в его мировоззрении изначально. И это неудивительно. Близко знакомый с нуждами трудящихся, живший их бедами и на собственном опыте испытавший последствия социальной несправедливости, Уинстэнли, кроме того, воочию наблюдал и переживал все события революции, возбудившей надежды и чаяния наиболее угнетенных слоев общества. Не только опыт по вскапыванию пустошей, но весь ход революции, осуществлявшейся силами народных масс, вел к складыванию крестьянско-плебейской, отрицающей частную собственность программы. Ход революции вел к тому, что социальные мотивы в творчестве Уинстэнли обретали все большую и большую значимость, пока, наконец, в «Новом законе справедливости» они не превратились в сложившуюся коммунистическую программу. Именно этот трактат является не столько «последним миллениарийским произведением», как полагает Джуретик, сколько первым трактатом, посвященным преимущественно социальным вопросам.

Для Джуретика и других западных авторов альтернатива сводится к противопоставлению «религиозных» и «коммунистических» элементов в мировоззрении мыслителя. Такое противопоставление действительно создает разрыв между идейной концепцией ранних трактатов и произведений периода работы диггеров на холме св. Георгия. Представляется более плодотворным исследовать эволюцию социальных взглядов Уинстэнли. Если мы будем анализировать творчество мыслителя с этой последней точки зрения, то мы увидим, что никакого «разрыва» или «внезапного перехода» в его идейной позиции не существовало; планомерное развитие учения под влиянием конкретных событий революции; осознание социальной несправедливости «мира сего» все более укреплялось и развивалось, пока в момент высшего кульминационного напряжения — суда над королем — не оформилось в программу действий для бедняков. Его радикализм поначалу выразался в форме религиозной крестьянско-плебейской ереси; постепенно под влиянием революционной действительности он обретал все более и более конкретные черты, приведшие к созданию коммунистических произведений и коммунистической колонии.

¹⁰¹ Ibid. P. 149, 150, 152, 156, 171, 185, 189, 207, 208, 225.

¹⁰² Барг М. А. Указ. соч. С. 158.

¹⁰³ Winstanley G. Op. cit. P. 194.

¹⁰⁴ Thomas K. V. Op. cit. P. 160—162.